АВТОБІОГРАФІЯ САВВЫ, ВЪ СХИМОНАСѢХЪ СЕРГІЯ,

ИГУМЕНА ОБЩЕЖИТЕЛЬНАГО МАХРИЩСКАГО МОНАСТЫРЯ.*)

Въ приписномъ къ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, Махрищскомъ, преподобнаго Стефана, общежительномъ монастырѣ, находящемся въ мѣстности Владимірской губерніи, Александровскаго уѣзда, 16-го марта текущаго года, скончался игуменъ отецъ Савва, въ схимонасѣхъ Сергій.

Считаемъ долгомъ сообщить замѣчательную по простотѣ и интересную по оригинальности автобіографію почившаго, которая записана со словъ его, когда онъ уже лишился зрѣнія, нижеподписавшимся іеромонахомъ того же монастыря Евкарпіемъ.

«Съ особеннымъ удовольствіемъ», начинаетъ отецъ игуменъ Сергій, «передаю незатѣйливую мою біографію: жизнь моя шла довольно просто, какъ будто ощупью, по силѣ обстоятельствъ. Родился я 1813 года іюня 9 Тульской губерніи, Крапивинскаго уѣзда, въ помѣстьѣ моихъ родителей сельцѣ Подлѣсномъ. Родитель мой, по фамиліи Желтухинъ, служилъ въ военной службѣ еще при Екатеринѣ II. До восьмилѣтняго возраста я находился при родителяхъ, потомъ меня отдали въ Тульскую гимназію, а года черезъ три въ Московскій Университетскій пансіонъ, которому въ то время даны были права университета, то-есть, въ немъ выдавались всѣ степени зрѣлости, а потому онъ пользовался

---

*) Сообщена строителемъ Махрищскаго монастыря іеромонахомъ отцемъ Амфилохіемъ. (*Ред.*)

особымъ авторитетомъ и былъ преисполненъ дѣтями графовъ, князей и богатыхъ людей; я попалъ туда по милости добрыхъ людей. Замѣчательно, что студенты университета ненавидили пансіонеровъ, а пансіонеры взаимно ихъ, хотя никакихъ отношеній между ними не было, профессора были одни и тѣже, какъ тамъ, такъ и тутъ. Изъ пансіона выходили иногда люди замѣчательные: поэтъ Жуковскій записанъ первымъ на золотой доскѣ, Лермонтовъ былъ въ мое время, много было лицъ высокостоявшихъ на государственной службѣ: два брата Милютины, бывшіе оба министрами и государственный контролеръ Татариновъ были мои товарищи, а простымъ генераламъ и счета нѣтъ, впослѣдствіи всѣ они разсѣялись по лицу земли: «И сколько нѣтъ теперь живыхъ, тогда веселыхъ молодыхъ». Въ одно посѣщеніе пансіона государемъ Николаемъ Павловичемъ, онъ, проходя по порядку выстроенныхъ въ рядъ воспитанниковъ, остановился подлѣ меня, спросилъ фамилію и велѣлъ раздѣться до бѣлья, осмотрѣлъ и больше ничего. Но Николай Павловичъ не любилъ этого заведенія, вѣроятно, по тому, что изъ него иногда проявлялись горячія головы. Насталъ 1830 годъ, на Россію надвинулась свинцовая туча, ее посѣтила небывалая гостья холера. Москва была въ паникѣ, учебныя заведенія распустили по домамъ. Вслѣдъ затѣмъ отъ пансіона были отняты права университета и онъ обращенъ въ 3 гимназію. Вслѣдствіе чего, возвратясь на родину, я нѣсколько послужилъ по инженерной межевой части, между тѣмъ отецъ мой въ 1834 году померъ, а я женился, имѣлъ двухъ дѣтей, хозяйствовалъ и охотился. Но на 30 году моего возраста это все оборвалось: прежде померли дѣти, потомъ въ 1843 году апрѣля 19 мать, а черезъ три мѣсяца и жена; я упалъ здоровьемъ и духомъ, не зналъ, что мнѣ дѣлать, куда себя дѣвать? Обратиться къ образу прежней жизни, хотя проявлялись случаи, но я не имѣлъ къ тому ни силы, ни желанія, началъ путешествовать, ѣздилъ по монастырямъ, но безъ цѣли: такъ для развлеченія. Однако такое неопредѣленное состояне могло быть на многое время, я не по особому влеченію

къ монастырской жизни, а болѣе по силѣ обстоятельствъ. поступилъ Калужской губерніи въ Оптину пустынь, — обитель высокостоящую своимъ благоустройствомъ во всѣхъ отношеніяхъ, которая въ то время управлялась игуменомъ благочестивой жизни Моѵсеемъ, при пособіи мудраго старца, духовника Макарія. Прожилъ я тамъ мирно слишкомъ семь лѣтъ, исполнялъ посильное послушаніе, съ удовольствіемъ ходилъ за пчелами и наконецъ сталъ тревожиться тѣмъ, что приходившихъ въ монастырь послѣ меня пріукаживали, а меня нѣтъ. Когда я сталъ просить о семъ старца Макарія, то онъ мнѣ рѣшительно въ этомъ отказалъ; не могу дать себѣ отчета: не понялъ я его высокой цѣли, или не хотѣлъ понять? Онъ велъ меня путемъ смиренія, которое есть ближайшее ко спасенію; царь Давидъ сказалъ: «смирихся и спасе мя» (Псал. 114. ст. 5). Но я разстроился и собрался уѣхать въ Ростовъ; монастырское начальство и братія меня съ сожалѣніемъ отпустили и съ любовію желали моего возвращенія, я уѣхалъ, вотъ ошибка въ моей жизни, вотъ темное пятно моей біографіи. Въ Ростовѣ у святителя Димитрія въ монашествѣ много было хорошихъ людей,—моихъ земляковъ, что меня туда и влекло. По дорогѣ я остановился въ Лаврѣ у знакомаго гробоваго іеромонаха Димитрія, который впослѣдствіи былъ тамъ казначеемъ, а наконецъ въ Задонскѣ архимандритомъ и при немъ было открытіе мощей святителя Тихона. Въ Лаврѣ я гостилъ около недѣли и меня неоднократно приглашалъ къ себѣ намѣстникъ отецъ архимандритъ Антоній. Я былъ въ какомъ то отупленіи, не двигался съ мѣста: ни въ Ростовъ не ѣхалъ, ни въ Лаврѣ не просился; наконецъ въ одинъ вечеръ за чаемъ о. намѣстникъ сказалъ: «я вижу, что дѣло состоитъ за мною, зачѣмъ тебѣ въ Ростовъ, останься у насъ». А по изъявленіи моей готовности и благодарности, онъ, обнявши меня, сказалъ: «я твое поступленіе считаю себѣ наградою отъ преп. Сергія». Вскорѣ назначилъ мнѣ послушаніе, которое до того времени постоянно исполняли іеромонахи, но какъ всякое свое распоряженіе онъ дѣлалъ съ разрѣшенія преосвященнѣйшаго митро-

полита Московскаго священноархимандрита Лавры Филарета, а потому сказалъ: «надо тебя показать Владыкѣ», почему я и явился къ нему. Владыка принялъ меня при всей высотѣ его нравственнаго величія, снисходительно и ласково. Тутъ я уже встрепенулся, началась жизнь дѣятельная, послушаніе многосложное; мнѣ поручена больница Лаврская со всѣми ея прикладными частями; рухлядная, т.-е., одежда и обувь братская, портная и сапожная монастырскія; покупка для нихъ матеріаловъ, училище дѣтское, странопріемная, принятіе гостей изъ духовнаго чина; отчетность при всемъ этомъ многосложная: денежный годовой оборотъ приходился слишкомъ на десять тысячъ руб. Сверхъ того принятіе поступающихъ въ монастырь о. намѣстникъ часто поручалъ мнѣ, говоря: «тутъ просится такой-то въ монастырь, возьми его къ себѣ, тамъ увидишь къ чему онъ способенъ и скажи мнѣ». Такъ вмѣшивалъ онъ меня въ дѣла благочиннаго и нерѣдко эконома, такъ усложнялись мои занятія, подобно грузовой лошади, которой испытывая силу по дорогѣ, подкладываютъ гири, и этимъ самымъ возбудилъ зависть и нелюбовь ко мнѣ старшей братіи, но несмотря на это всѣ казались ко мнѣ расположенными; наконецъ дошло до nec plus ultra (до крайности). Намѣстникъ сказалъ: «я теперь не буду ухаживать за стариками, куда бы ни потребовалось у меня есть человѣкъ;» а этимъ онъ меня поставилъ въ неловкое положеніе. Въ Лаврѣ мѣста почетныя были всѣ заняты, дѣвать меня было некуда, но случилось, что вдругъ опросталось мѣсто въ Махрищскомъ монастырѣ и намѣстникъ сказалъ: «нечего дѣлать, приходится Саввою пожертвовать Махрѣ». Въ Лавру я поступилъ послушникомъ, съ небольшимъ въ три года меня удостоили постриженія въ монашество и постепеннаго возведенія во іеромонаха, а въ 1856 году отправили въ Махрищскій монастырь строителемъ. Тутъ для меня много было спокойнѣе, не было такой формалистики, какъ въ Лаврѣ. Года черезъ два послѣ поступленія моего строителемъ, Владимірскій архіепископъ Іустинъ, проѣзжая по эпархіи ночевалъ у меня въ монастырѣ, а возвратясь въ Владиміръ, онъ

вскорѣ прислалъ мнѣ письмо, которымъ приглашалъ перейти къ нему, обѣщая дать мнѣ въ управленіе монастырь, но съ условіемъ жить при немъ: въ то время въ Владимірѣ поновлялся Соборъ по смѣтѣ на сорокъ тысячъ и онъ нуждался въ человѣкѣ, но уйти отъ такихъ великихъ людей и благодѣтелей, какъ приснопамятные, въ Бозѣ почивающіе: Московскій митрополитъ Филаретъ и намѣстникъ Лавры Антоній для меня тогда было немыслимо. Я поблагодарилъ его и остался въ Махрищскомъ монастырѣ, сказавши себѣ: «здѣ вселюсь во вѣки». И чудное дѣло, какъ Махрищскій монастырь и все окружающее его со мной сроднилось. Дѣломъ я занимался съ любовію, и по молитвамъ преп. Стефана, ощутительно видѣлъ помощь Божію, со всѣми жилъ мирно, особенно я любилъ маленькихъ дѣтей, изъ которыхъ теперь составилось новое поколѣніе и они сами уже обложились кучею дѣтей. Меня зналъ и скотъ монастырскій, когда я подъѣзжалъ къ общему съ мірскимъ стаду на выгонъ, монастырскія коровы издали уже поднимали головы, а когда вблизи останавливался, то отдѣлясь отъ стада, всѣ по одной подходили ко мнѣ и стояли пока я не уѣду [a]. И что же въ концѣ концевъ, переплывше житейское море и у самаго берега, я обернувшись назадъ, сказалъ себѣ: «суета суетъ и всяческая суета» (Еккл. г. I, ст. 2). Событія нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ исчезли, какъ сонъ одной минувшей ночи, точно ничего этого и не было. Такая мысль заставила меня съ грустію вспомнить объ Оптиной пустынѣ. Завершаю все словами Христа Спасителя: «печешися и молвиши о мнозѣ, едино же есть на потребу» (Лук. гл. 10, ст. 41—42). Мнѣ не нравится, что въ моемъ сказаніи выказывается, какъ будто, какое-то самовосхваленіе, но вѣдь это не сочиненіе, и, какъ говорится, изъ пѣсни слова на выкинешь. И такимъ образомъ, моя пѣснь пропѣта. Теперь въ моемъ убожествѣ взываю: Господи Іисусе Христе! Напиши мя въ книзѣ жи-

---

a) О. Саввѣ нерѣдко послушники приносили на скотный дворъ въ корзинкѣ куски хлѣба, оставшіеся отъ братской трапезы и онъ самъ давалъ ихъ коровамъ. *Примѣч. іером. Евкар.*

вотнѣй и даруй мнѣ конецъ благій! Пресвятая Богородица помоги мнѣ! И ты, преподобне отче нашъ Стефане, буди ходатай моего спасенія».

Закончивъ автобіографію о. Саввы, въ схимонасѣхъ Сергія, нужно сказать, что онъ заботился исключительно о томъ, чтобы въ мирѣ сохранить свою совѣсть, мірскихъ сокровищъ и украшеній внѣшнихъ онъ вовсе не искалъ, любилъ простоту и смиреніе паче всего, подражая Господу нашему Іисусу Христу, обнищавшему насъ ради, имѣлъ миръ съ живущими при немъ и каждому воздавалъ достойное; когда приходилось вразумить подчиненныхъ ему изъ братіи, то онъ раскаявающимся дѣлалъ мудрое наставленіе, отъ котораго вразумляемый получалъ въ сердцѣ радость и успокоеніе совѣсти, а закоренѣлыхъ и нераскаянныхъ приводилъ въ чувство строгимъ обличеніемъ и наказаніемъ соотвѣтствующимъ виновности. Но подобныхъ личностей, какъ о. Сергій нельзя вполнѣ изобразить; житіе ихъ можно созерцать лишь внѣшне, а устроеніе ихъ душъ Богъ вѣсть; такъ какъ животъ ихъ въ Немъ сокровенъ.

Миръ тебѣ доблестный труженикъ на поприщѣ избраннаго тобою, отче Сергіе, иноческаго званія, которое прославлено тобою примѣрными подвигами, какъ рабомъ Господнимъ, вѣрнымъ Ему до смерти. Ты теченіе совершилъ, вѣру соблюлъ. Да услышиши блаженный гласъ: вниди въ радость Господа твоего и насъ не забуди подобно тебѣ, временныхъ пришельцевъ земли, еще блуждающихъ на распутіяхъ ея и обуреваемыхъ житейскими напастьми, да непретновенно достигнемъ къ тихому пристанищу вѣчнаго покоя въ будущемъ вѣкѣ.

Іеромонахъ Евкарпій.